

Раздел II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

СМЫСЛЫ, СЛОВА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В. Н. Матарас

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

В статье обосновывается идея о том, что при определении и формализации нормы права схватывается только часть действительности и, следовательно, упрощается понимание этого феномена. Норма права, которая была создана для коллектива с одним типом культурных доминант и ценностей, стереотипов поведения, социально-экономических и общественных условий, не устраивает следующее поколение и другие коллективы с иным типом культуры. Автор делает вывод о необходимости целостного объемного взгляда на всю правовую систему. Взгляд только в проекции нормы права не разрешает проблему, так как это только застывшее временное состояние.

У артыкуле абгрунтоўваецца ідэя аб тым, што пры вызначэнні і фармалізацыі нормы права ахопліваецца толькі частка рэчаіснасці і, такім чынам, спрашчаецца разуменне гэтага феномену. Норма права, якая была створана для калектыву з адным тыпам культурных дамінант і каштоўнасцяў, стэрэатыпаў паводзін, сацыяльна-эканамічных і грамадскіх умоў, не задавальняе наступнае пакаленне і іншыя калектывы з адметным тыпам культуры. Аўтар робіць выснову аб неабходнасці цэласнага аб'ёмнага погляду на ўсю прававую сістэму. Погляд толькі ў праекцыі нормы права не вырашае праблему, так як гэта толькі застылы часовы стан.

The author justifies the idea that only a part of the reality is captured during determining and formalizing the rule of law and, therefore, understanding of this phenomenon is simplified. The rule of law, which was created for the collective with one type of cultural dominants and values, stereotypes of behavior, social economic and social conditions, does not suit the next generation and other collectives with different type of culture. The author draws a conclusion about the need for a holistic three-dimensional view of the entire legal system. Looking only in the projection of the rule of law does not solve the problem, since it is only a frozen temporary state.

Ключевые слова: научная истина; сознательное или бессознательное дуалистическое мировоззрение; ценностные ориентиры и стереотипы поведения; парадигма цивилизованного существования; этносоциум; слова и тексты.

Ключавья слова: науковая істина; свядомы або несвядомы дуалістычны светапогляд; каштоўнасныя арыенціры і стэрэатыпы паводзін; парадыгма цывілізаванага існавання; этнасоцыум; словы і тэксты.

Keywords: scientific truth; conscious or unconscious dualistic worldview; value orientations and behavior stereotypes; paradigm of civilized existence; ethnosocium; words and texts.

Неизменная научная истина составляет тот далекий идеал, к которому стремится наука, – утверждал В.И. Вернадский [1, с. 38]. Формальная действительность [1, с. 38] в отличие от живого потока действительности [2, с. 106] – это ступень научного представления и возможного закрепления в нормах, в попытке остановить время на данный исторический момент. Живой поток действительности в части своих процессов и структур приходит к нам из прошлого, и мы видим только кристаллизованную часть процессов и идущие в живом потоке незаконченные процессы.

Получается, что ученый, изучая правовую систему, может умозрительно находиться только вне юридического текста, иначе он не сможет изучать и работать с текстом. Но сам он – элемент этнического коллектива и процессов, происходящих в живом потоке действительности. Когда ученый-правовед работает из чисто объективного научного интереса к изучаемым вопросам и проводит исследование в определенных рамках, он сознательно или бессознательно противопоставляет себя исследуемому миру и переносит привычную точку зрения на весь мир. А поскольку он исследует рациональные достижения в юридической сфере, то этот мир у правоведа рациональный, правовой и справедливый или желаемый (должен) быть таковым через юридическую норму, которую он создает.

А если он ищет характер легальности при помощи идеи якобы универсального права, умозрительно действующего с самого начала существования правовой системы, то «получается фантазия строгого наблюдения ученым-исследователем совершающихся вне его процессов Природы, как целого» [1, с. 39]. Так рисовалась картина мира философами-рационалистами XVIII века. Эта картина мира была перенесена и на юриспруденцию. Данную проблему В.И. Вернадский назвал созна-

тельным или бессознательным дуалистическим мировоззрением [1, с. 39].

Западная Римская империя исчезла с геополитической сцены фактически с 410 года, но мысль о ней существовала в исторической памяти. С V по IX век для этой географической ойкумены наступили темные времена. Центр развития и жизнедеятельности всех сфер сместился в Константинополь. Но западноевропейцы уже в свое средневековье вспомнили, что живут на той территории, которая когда-то принадлежала Риму и стали считать себя продолжателями истории этой империи. Она не имела никакого отношения к новым этническим системам немцев и французов, но для церковных историков западно-христианского мира они считали себя в литературе продолжателями и наследниками истории этой империи.

Мысли о Западной Римской империи, которая в силу энтропийных процессов распалась и исчезла с политической карты, для католических церковных историков служили связью между эмпирическими фактами. В западной литературе и философии это послужило основанием для теории прогресса и линейного взгляда на историю. Таким образом, возникла идеология периферийного варварства. Это было умозрение в чистом виде и не соответствовало действительности. Желаемое выдавали за действительное, и возобладала спекулятивная система телекинеза.

Так возникла схема «Древний мир – Средневековье – Новое время» как порождение «линейного «дальнейшего развития», – не потому, что оно научно доказано, а потому, что такого развития желают <...>, где каждый отдельный миг выстраивается в исполненной наивности в конструкцию продолжения» к вечному счастью и прогрессу [3, с. 49]. «Мы живем в XXI веке» – выражение, где произносящий ее наполнен тщеславием, считающий, что он умнее, чем были его деды и прадеды, потому что ему об этом сказали или он об этом прочитал в Интернете, не подтверждающий это ни в своей личной, ни студенческой жизни, ни на экзаменах и зачетах. Протестант Гегель простодушно заявлял, что «будет игнорировать те народы, которые не укладываются в его (линейную) систему истории» [3, с. 51], т.е. нас с вами. Добросовестное заблуждение привело к искаженному взгляду на эмпирическое обобщение фактов истории жизнедеятельности иных культур и народов.

Эту линейную систему и повторяет концепция уважаемого философа. «Древняя Индия и Китай, Древний Египет, государства мусульманского Востока эпохи средневековья – это все традиционное общество. Этот тип социальной организации сохранился и до наших дней», – утверждает В.С. Степин. «Что касается технологической цивили-

лизации, часто обозначают расплывчатым понятием западная цивилизация, то это особый тип цивилизации» [4, с. 19]. Почему автор выделяет в цивилизации только признак техносферы? Личные пристрастия? Или для того, чтобы сделать предвзятые выводы? Любая теория или концепция проверяется через эмпирическую фактуру. А если подумать?

Если бы В.С. Степин жил и работал в X–XI веках в Константинополе, то технологическая и модернизированная цивилизация была бы у него перед глазами. А западноевропейцев он назвал бы дикими варварами, способными только к войне и грабежу. То же самое было бы с ним, если бы он находился в Древнем Риме в I веке, в Египте в XI веке до н.э., где было огромное количество инженеров, учившихся с детства своему ремеслу и строивших каналы и великолепные дворцы, или в Китае в поздней Хань в I–II веках или во втором Китае в эпоху династии Мин в XV веке, которая не нуждалась в изобретениях Западного мира, так как там их в это время и не было.

В первом случае в силу аберрации дальности и незнания реальной истории Китая и Египта, а во втором – в силу аберрации близости, будучи современниками западных достижений, мы попадаем в систему приближения и все явления принимают призрачно-раздутый вид при том, что научно-технические достижения двигаются по спирали и связаны с небольшим количеством талантливых научных деятелей, создающих эти достижения.

И какое направление примет наука, и кто (какой этносоциум или их группа) подхватит научные достижения времени и будет далее развивать, никто не знает. Для того, чтобы развивать науку, необходимо напряжение в системе этносоциума, наличие в ней творческих людей. Так, западноевропейцы подхватили часть достижений византийцев и арабов и создали свою науку, и теперь, по истечении времени, никто не отрицает научно-технических достижений Западного мира в стадии цивилизации.

«Что составляет парадигму цивилизованного существования? Религия? Ценности? Культура? Хозяйственный уклад? Географическая среда? Способ мышления?», – справедливо задает вопрос В.Э. Багдасарян [5, с. 20]. И по каким критериям мы будем судить то государство-мир или суперсистему государств, входящих в социокультурный мир их достижения? Что у нас будет стоять на первом месте в нашей оценке? Этот процесс касается и статуса юриспруденции в определенном периоде жизнедеятельности социокультурного мира.

Каждое поколение живет своими идеалами и тем, что считает для себя важным, и борется, и страдает за то, что считает ценным. Футуристическими ожиданиями живет только антисистема, где вместо реаль-

ной жизни создается желательная картина будущего. Достаточно изучить историю Франции и ее деятелей, чтобы понять, что это так. Жанна д'Арк, Генрих IV, кардинал Ришелье, Наполеон Бонапарт, генерал де-Голль и огромное количество неизвестных нам французов жертвовали жизнью в своей деятельности для любимой Франции. И все это для того, чтобы извращенцы бродили в XXI веке по Елисейским Полям в Париже и декларировали как ценность свои извращения из программы в мире животных. А как же умственный и социальный прогресс? А где здесь рациональный смысл линейной философии прогресса? Легко потерять после этого веру в человека и способности человечества.

Специфика «души» (система культурных координат, индивидуальная программа, заложенная географией месторазвития и потенцией этнической системы при ее создании и адаптации) определяется спецификой переживания реального пространства и времени, уникальной для каждого этносоциума. Эта специфика динамики компонентов этносоциума и культурных координат отражается и в юриспруденции.

В каждой временной стадии все иное. Оно не лучше и не хуже, а только удобно для тех, кто живет в это время. Здесь два потока – живой поток действительности и формализованный, закрепленный (филологически и в нормах) поток.

Трансформация живого потока действительности и связанной с ней правовой системы проявляется в отношении идеалов власти, доминантах поведения коллектива, творчески создающего правовую систему. Изменяются ценностные ориентиры и стереотипы поведения коллектива, трансформируется и правовая система. Два типа живых потоков и их культурных доминант по отношению к творимой правовой системе всегда будут различаться. Попытка сравнить разные живые потоки имеет множество несводимых, неравноправных друг к другу форм и элементов.

Например, историческая судьба юриспруденции Древней Руси и Западной Европы при столкновении с римским (византийским) правом имела разные последствия. Древняя Русь в X веке переходила из стадии надлома в стадию цивилизации, одновременно осуществляла трансформацию из периода деревенской языческой культуры славян в городскую цивилизацию, становясь государством городов. Потребовалась новая система культурных координат как системы запретов и дозволений. Тогда и было выбрано византийское православие. При таком переходе и в такой стадии новое воспринимает только самая пассионарная часть этносоциума, так как религиозная система требует творческого горения, а основная масса достаточно инертна, и система менее пластична и не способна изменить динамику живого потока действительности.

Это привело к тому, что привнесенное, а не созданное самой системой этносоциума вместе с христианством византийское право стало частью культуры и идеологии, но не работало как привнесенное извне, и потому действовала старая и трансформирующаяся по ходу времени система обычаев. Столкновение этих двух систем – византийского права и славянского обычая в Древней Руси привело «не к уничтожению и не слиянию, но сохранению обеих систем права, различавшихся своим культурным статусом» [6, с. 662].

«В результате право, лежащее в сфере культуры, не действует, а действующее право (обычай) лежит вне сферы культуры» [6, с. 686], но действует в быту и судах. Отсюда и различие в терминах, и существование на разных языках: на русском языке – обычное право, а на церковнославянском – византийские юридические нормы. Эта дихотомия приводила к тому, что в Древней Руси отсутствовали те институты, «которые вызываются к существованию применением права, обладающим культурным статусом: юридическое образование, формирование юридических корпораций» [6, с. 686].

Западная Европа в лице немцев и французов появилась только в IX веке. Как всякая юная система этносоциума в стадии подъема она была более пластична и легко приспособливалась старые формы римского права к новым условиям жизнедеятельности. «Существование разных юридических норм (обычаев и римского права) принимало форму их параллельного функционирования» в пределах юридической науки [6, с. 686]. Римское право попадает в нейтральную зону западной христианской культуры, но не выбрасывается за пределы культурного поля. И хотя обычаи доминировали, параллельное функционирование этих систем приводило к тому, что путем объясняющих и адаптирующих глосс система римского права вводилась в оборот юридической науки и правовую культуру Западного мира.

Изучая историю правовой системы и институтов государства на юридическом факультете, исследуют слова и тексты, имеющие свою внутреннюю логику. В результате правоведа не всегда способен видеть и понимать ту реальную историческую действительность, в силу которой был принят тот или иной нормативно-правовой акт, а видит только юридическую (рукотворную). Получается идеализированная юридическая кабинетная история, где путем копирования (заимствования), или силой знания (политинформация, а затем телепортация), или принятия законов и норм Конституции вы можете изменить природу живой системы коллектива и его культурные доминанты.

Историки и литературоведы не могут заметить живого потока действительности уже потому, что объект их изучения – создание рук

человеческих – институты государства и права, «которые могут либо сохраняться, либо разрушаться, но не молодеть или стареть» [7, с. 671]. «Слова обманчивы. Превращаясь в термины, они обретают новый смысл» [7, с. 81]. А термины, принятые этносоциумом без творческой адаптации, объективно наполняются новым содержанием.

История социальной системы государства не может идти как одномерный юридический конституционный процесс, не говоря о живом потоке действительности. Историко-филологический метод, применяемый в юридической науке, в определенных аспектах вреден. Убогость в терминологии гуманитарных наук не должна определять в науке понимание реального процесса. А наш словарный терминологический запас о социосфере и юриспруденции крайне скуден и термины чаще всего заимствованные, т.е. переведенные.

Слова (термины) меняют смысл в зависимости от: а) перевода и потенциальных возможностей переводчика; б) интонации и построения предложений при переводе; в) эрудиции и интеллектуального развития читателя; г) системы ассоциаций и смыслов. Перевод, в конечном счете, есть всего лишь интерпретация, потому что даже «буквальный перевод не всегда самый точный, так как тут опускаются смысловые и интонационные нюансы» [8, с. 87]. «Он может передать лишь одну идею, хотя оригинал может содержать и многие другие, ускользавшие от перевода. Оригиналу суггестивен, а перевод нет, и не может быть таковым» [9, с. 35]. Живший в V веке философ Кумараджива, переводивший буддийские тексты для китайцев, говорил, что «перевод текста подобен разжевыванию пищи для того, чтобы ее съели другие. Аромат и вкус становятся беднее, но будешь сыт» [9, с. 35].

Всякое слово и всякий текст укоренен в своем историческом времени [10, с. 173], в живом потоке действительности, и во всяком тексте мы имеем дело, как правило, чаще всего с переводом, переложением [10, с. 167]. Обращаясь к юридической терминологии, следует учитывать, что реальный жизненный поток постоянно трансформируется и, следовательно, изменяется содержание терминов (концептов). Возникает разбежка между пониманием (правопониманием) и реальными жизненными процессами. В любой, в том числе и юридической сфере следует учитывать эти два параметра и разбежки между реальным содержанием и формой. Парадокс в том, что ученые становятся «жертвами иллюзии постоянства номинального», которая утверждает, что институт, сохранивший то же название, остается со временем тем же самым [11, с. 211]. Нужно исходить из того, что «номинальное тождество скрывает реальное различие» [11, с. 212] в содержательной части ее компонентов.

Однотипная система существует только в физике и химии, а этносоциум – двойственная и объемная структура, поэтому всегда будет разбежка между термином и реальным сложносоставным объектом в силу объективных различий. Например, с концептом «Конституция» древние греки связывали среду обитания, отождествив ее в полисе (phel – скала, утес, контролирующая местность), римляне подчеркивали наглядную вещность (constitution rei publicae), немцы отождествляли с принципом схватывания и закрепления (verfassen, fassen – схватывать), а для русских это означало рукотворный характер – строй, строение, устав [12, с. 310], где древнерусский покон – основополагающий обычай и одновременно структура пространства (по – над, кон – основа) [12, с. 310].

Поскольку норма есть математический алгоритм, т.е. действие идеального ума, то при столкновении математического алгоритма с живым потоком (феноменом природной и социальной сферы) показания математики становятся неточными и упрощенными.

Например, определяя и формализуя норму права, мы схватываем только часть действительности живого потока и, следовательно, упрощаем понимание этого феномена. Норма права, которая была создана для одной системы ценностей, стереотипов поведения, социально-экономических и общественных условий, не устраивает следующее поколение и при других условиях. Она всегда в статике.

И вместо того, чтобы изучать действительность во взаимодействии с социальной и ее производной правовой системой, мы начинаем измышлять и выдумывать только в узкоспециализированной правовой сфере, не принимая во внимание факторы действительности. Политико-правовые цели становятся оторванными от содержания социально-экономических и культурных задач. И выдуманное вне этих целей мы часто принимаем за настоящее. Трудности в понимании правовых систем связаны наряду с другими явлениями именно с этим феноменом.

Если вы не постигаете науку, где задача изучить то, что реально действует, а выучиваете готовые концепции и терминологию, созданную в этносоциуме с иным (не близким по совмещению и не находящимся в консенсусе с вашим этносоциумом) мироощущением и мировоззренческими установками в системе культурных координат, то это не действует, а становится либо идеологией, либо философской верой.

Только объемный взгляд с широко открытыми глазами позволяет видеть всю правовую систему целиком. Взгляд только в проекции нормы права не разрешает проблему, так как это только застывшее временное состояние. Юристы должны это знать и понимать.

Библиографические ссылки

1. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 359 с.
2. Матарас В. Н. Методы исследования форм государства в историческом времени и пространстве // Веснік БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. Мінск : БДУ, 2016. № 1. С. 104–112.
3. Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / пер. с нем. И. И. Маханькова. М : Академический проект, 2009. Т. 1. 648 с.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
5. Багдасарян В.Э. Россия в условиях трансформаций. М. : Собрание, 2007. 214 с.
6. Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Из истории русской культуры / Сост.: А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М. : Языки русской культуры : Кошелев, 2002. Т. 2, кн. 1 : Киевская и Московская Русь. 944 с.
7. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : Мысль, 1989. 764 с.
8. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М. : Ди-Дик Танаис. 1994. 480 с.
9. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии; пер. Р. В. Котенко. СПб. : Евразия, 1998. 376 с.
10. Бибахин В.В. Слово и событие. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 277 с.
11. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992); пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнаревой. М. : Изд-во «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
12. Ильин М.В. Слова и смыслы : Опыт описания ключевых политических понятий. М. : РОССПЭН, 1997. 431 с.

ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМА ПРАВОГЕНЕЗА В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ

В. И. Павлов

Академия МВД Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

В статье обосновывается антропологический подход к праву, ориентированный на поиск аксиологического критерия, который должен лежать в основе оценки правоустановления. Автор делает вывод о целесообразности рассмотрения государства в контексте проблемы правогенеза посредством методологической переориентации – от поиска правоустанавливающего авторитета между оппонировавшими государству субъектами – к поиску критериев ценностных правовых содержаний и вменения государству обязанности их институциональной поддержки.